

УДК 355.40
ББК 67.401.212
Р78

Ростовцев, Алексей.

Р78 Резидентура. Я служил вместе с Путиным / Алексей Ростовцев. – Москва : Алгоритм, 2017. – 448 с. – (Мемуары под грифом «секретно»).

ISBN 978-5-906880-59-8

Полковник Алексей Ростовцев с 1965 по 1987 год служил в различных разведывательных подразделениях представительства КГБ в ГДР. В середине восьмидесятых годов он курировал деятельность Дрезденской резидентуры КГБ, одним из оперативных сотрудников которой был Владимир Путин.

Автор откровенно и подробно рассказал не только о своих коллегах и подчиненных, но и о специфике повседневной жизни и деятельности оперативных сотрудников резидентур КГБ в Восточной Германии, которые занимались самой трудоемкой и опасной работой — поиском и вербовкой агентуры.

УДК 355.40
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906880-59-8

© Ростовцев А., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая. Резидентура	7
Начальники	8
Коллеги и я сам	49
Немецкие друзья	86
Книга вторая. Последняя анкета	122
Книга третья. Шпионские истории	239
Начало	240
Грезы любви	244
Обязательство	249
Ночевала тучка золотая...	255
Бокал шампанского	266
Экстракт верблюжьей колючки	270
Запрос	273
Фестивальная ракета	277
Письмо	282
Русская рулетка	286
Память	296
Воронья посадка	300
Боевик	310
Впускать только рыжих	315
Людоед	319
Папаха	321
Предатель	324
Вербовка на идейной основе	329
Хромой в два часа пополудни	335
Родине не мстят	337
Осколок зеркала	344
Перочинный нож	347
Была у дурака жемчужина	350
Стукачи	365

Землепроходец	371
Враги народа	375
Сети шпионажа	381
Ящик для писем от покойника	394
Как Вася разведчиком стал	397
Костер	404
Сестра Анюта	420
Отечества ради	427
Ошибка волчары	434
Моника	441
Эрих Мильке (штрихи к портрету)	443

*Посвящаю эту книгу моей жене
Татьяне, напечатавшей одним
пальчиком все мои рукописи.*

Книга первая

РЕЗИДЕНТУРА

Представительство КГБ в ГДР имело статус самостоятельного управления КГБ. До начала войны в Афганистане оно было нашей крупнейшей разведывательной загранточкой. Представительство полностью дублировало структуру Центрального аппарата советской разведки и подчинялось ей в оперативном плане. В административно-кадровом плане оно подчинялось непосредственно руководству КГБ СССР. Помимо аппарата в Берлине, Представительство имело еще четырнадцать небольших резидентур, число которых соответствовало числу административных округов ГДР.

Я знаю Представительства по периоду с 1965 по 1987 год. Об этом периоде и буду писать.

Любая спецслужба является точным сколком общества, ею обслуживаемого. Поэтому можно утверждать, что Представительство в указанный период проделало ту же самую эволюцию, какую проделали наша страна и наше общество.

Один из моих знакомых кадровиков, человек беспредельно циничный, любил повторять известный афоризм: «Главное — это не работа, а отношения». Вот я и напишу не о работе, а о людях и отношениях между ними. Для дураков и подлецов это станет раскрытием самых страшных тайн, для людей умных и порядочных — чем-то вроде развлечения.

Наши установочные данные не были секретом для немецких друзей, но все-таки придется отдельные фамилии изменить. Не хочу, чтобы дети и внуки полудурков и мерзавцев думали плохо о своих отцах и дедах. Впрочем, могут быть случаи, когда возникнет необходимость зашифровать имена людей, вполне достойных. Давайте договоримся так: если фамилия изменена, то она будет под звездочкой.

НАЧАЛЬНИКИ

Если вы спросите у седого ветерана разведки, от кого ему досталось в жизни больше лиха — от противника или от начальников, — ответ будет один: от начальников.

Начальники бывают непосредственные и все прочие. А еще бывают разные кураторы, контролеры, проверяльщики, ревизоры, помогальщики, приезжающие за границу с целью обновления гардероба, но под предлогом повышения уровня оперативной деятельности на данном конкретном участке. Эта вертикаль власти громоздится над бедным опером, как пирамида Хеопса над жуком-скарабеем, который прилежно катит в свою норку комочек дерьма, из коего надлежит сделать конфетку.

Откуда берутся начальники? Тут возможна масса вариантов.

Вариант 1. От человека хотят избавиться из-за его мерзопакостности и поэтому переводят куда-нибудь подальше с повышением.

Вариант 2. Психическая патология — желание властвовать, повелевать, изголяться. Это отклонение от нормы. Нормального человека власть тяготит, ибо отвлекает его от любимого дела.

Вариант 3. Блатной дурак. Ничего не умеет делать, может быть только начальником.

Вариант 4. Выходец из косяка, стаи. Докарабкался до большой власти кто-то из кодлы и тут же сделал начальниками поменьше всех своих дружбанов.

Вариант 5. Попал в струю. Бывает так: выступил ты удачно на оперативном совещании в духе требований времени, глянулся руководству — и тебя повысили.

Вариант 6. Жадность. Человек идет во власть, чтоб сподручней было красть. Должен заметить, что в разведке особенно не разворуешься. Однако при наличии больших способностей по этой части можно и тут поживиться.

Вариант 7. Удачный выбор родителей. Никто не станет оспаривать того факта, что у генеральского сына шансов преуспеть в жизни больше, чем у не уступающего ему по способностям сына сельского ветеринара.

Вариант 8. Спаивание кадровиков. Кадровик, незаметный, замухрышный человечешко, может в нужный момент подсказать начальству, кого куда продвинуть.

Вариант 9. Умение строить отношения с руководством. Тут возможны подварианты — от ординарного подхалимажа до выдумывания себе одного с начальством хобби.

Вариант 10. Обольщение безобразной и больной дочери большого начальника с последующей женитьбой на ней.

Вариантов этих бесконечное множество. А то ведь бывает и так, что человека выдвигают по способностям. Как раз в разведке такой вариант не редкость.

Я прибыл в Представительство с далекой периферии в августе 1965 года. До этого служил в чечено-ингушской контрразведке в г. Грозном. Еще раньше преподавал немецкий язык и зарубежную литературу в Грозненском педагогическом институте, куда попал после окончания Ростовского университета.

В КГБ Чечено-Ингушетии сложился в то время отличный коллектив. Это был, собственно, даже и не коллектив в казенном понимании слова, а боевое чекистское братство, в котором были еще сильны традиции эпохи Дзержинского. И когда мы 20 декабря, в день основания ЧК, садились за праздничный стол в нашем клубе (кстати, обязательно вместе с женами), то, глядя на нас со стороны, можно было бы подумать, что за столом этим собралась огромная и очень благополучная семья. И с начальниками мне в Грозном везло. Каждый из них был, выражаясь словами Лермонтова, «слуга царю, отец солдатам». В Германии для меня начались иные времена.

Сразу же по прибытии в Берлин я был направлен для дальнейшего прохождения службы в Галльскую резидентуру Представительства. Все такие резидентуры официально назывались разведгруппами, а резидент именовался старшим офицером связи, поскольку в его функции, помимо руководства резидентурой, входила координация деятельности всех советских спецслужб, дислоцированных или задействованных на территории округа (в данном случае речь идет о подразделениях ГРУ и военной контрразведки), а также организация контактов с друзьями.

В Берлине меня предупредили, что Галльская разведгруппа штрафная, что я буду там единственным офицером, не имеющим ни служебного, ни партийного взыскания, и что именно по этой причине мне предстоит стать партийным секретарем нашкодившего подразделения. Мне был тогда 31 год. Мое воинское звание было старший лейтенант. Средний возраст оперсостава Представительства в 60-е годы соответствовал моему возрасту. Все это были молодые, здоровые, симпатичные, толковые мужики, полные энергии и заряжен-

ные оперативным азартом. Но речь пойдет пока не о них, а о начальниках.

За пару недель до моего появления в ГДР в Галльской разведгруппе случилось ЧП: упился до белой горячки один из сотрудников. Его вылечили и уволили из органов, старшего офицера связи откомандировали на родину, троим оставшимся объявили кому по строгачу, кому по простому выговорешнику за участие в попойках и за доношительство.

В ходе беседы со мной начальник группы кадров Представительства полковник Дряхлов, «старый и мудрый человек, поинтересовался:

— Пьешь?

В органах на подобный вопрос принято отвечать: «Умеренно, в компании и по праздникам». Так я и ответил. Дряхлов покачал головой.

— Здесь придется выпивать часто. Немецких друзей угощать, агентуру, объектов разработки. Они тебя тоже будут угощать. Опять же праздники — наши и немецкие. Однако спиртными напитками следует пользоваться умеючи и пить их, не спиваясь.

Вооруженный этим отеческим напутствием, я и приступил к работе на порученном участке в древнем ганзейском городе Галле, расположенном у пересечения почти всех дорог маленькой страны, которая играла тогда одну из ключевых ролей не только в европейском, но и в мировом политическом интриганстве.

Вскоре в Галле приехал еще один новый сотрудник, совсем зеленый парнишка, не состоявший даже в партии. Назовем его комсомольцем Борей. Таким образом, резидентура к осени 1965 года была полностью укомплектована. Не хватало старшего офицера. Временно его обязанности исполнял некто Арапаев, молодой человек, склонный к прохиндейству, фанфаронству и пустозвонству. Мы его не любили и с нетерпением ждали настоящего законного начальника. «Вот придет барин — барин нас рассудит», — не уставал повторять третий опер Женя Чекмарев, ставший на долгие годы моим близким приятелем. И «барин»-таки приехал. Нескоро, правда. Полгода ждать пришлось. Я тогда еще не знал, что вокруг каждой вакантной должности старшего офицера в Москве ведется сложная подковёрная борьба и не только потому, что эта должность давала папаху, но и по многим другим причинам.

Подполковник Тавловский появился в Галле где-то в феврале 1966 года. Это был крупный сорокасемилетний мужчина с хмурым обрюзгшим лицом, выглядевший намного старше

своих лет. Первым вступил в контакт с Тавловским Арапаев. Случилось это за пределами наших служебных помещений, но по обескураженному виду Арапаева мы поняли, что новый руководитель уже успел намылить ему шею. Вторым был я. Тавловский вызвал меня по телефону на свою квартиру и устроил мне крутой разнос за то, что у него на кухне подтекал кран. Мне досталось на орехи постольку, поскольку я отвечал за быт коллектива. Надо сказать, что за сутки до этого немецкие хозяйственники вместе со мной осматривали квартиру нашего будущего шефа и никаких изъянов не обнаружили. Мне Тавловский не понравился. Я сразу понял, что с таким «баринном» нам придется крепко помяться.

В жизни подчиненного непосредственный начальник играет огромную роль. Я имею в виду прежде всего силовые структуры, ибо здесь начальника не выбирают и от него никуда не денешься. Начальник может вознести подчиненного, а может размазать его по стене, как клопа, ибо именно он формирует мнение о подчиненном в руководящих сферах. Уже однажды упомянутый мною кадровик спросил как-то у меня:

— Знаешь, за что тебе платят тут две зарплаты?

И сам же на свой вопрос ответил:

— Первую, в рублях, за работу, вторую, в марках, за то, что ты терпишь начальника.

Явившись на работу, Тавловский потребовал положить на его стол все дела и оперативные подборки разведгруппы, что само по себе было актом вполне естественным. Несколько дней он читал эти материалы, делая многочисленные пометки на полях. И вот настал судный день. Ровно в 8-00 Тавловский ударил кулаком в дверь туалета, где в этот момент находился комсомолец Боря, и зычным голосом скомандовал:

— Кончай срать, Борис! Все — ко мне!

Когда мы заняли места в его кабинете, он окинул нас взглядом Цезаря, покорившего как минимум Египет вместе с Клеопатрой, после чего изрек:

— Все ваши дела — говно. Теперь будем работать по-другому. Заберите свое барахло и ознакомьтесь с моими замечаниями.

О, эти замечания, свидетельствовавшие о напряженной работе незаурядного ума, стоят того, чтобы рассказать о них подробнее. Исполнены они были трудночитаемым, сумасшедшим, рвущимся из-под контроля почерком и содержали в себе либо констатацию («Да ведь он же нам мозги засерает»), либо предположение («Это может кончиться блядством»), либо вопрос («А ты уверен, что она ему не даст?»). Одна же пометка

запала в сознание всех членов нашего маленького коллектива навеки. Видимо, Тавловский сделал ее для себя. Просто хотел разобраться в родственных связях одного из агентов. Думал-думал и в итоге начертил: «Жена “Отто” является братом “Дитера”». Жена является братом! Каково?

Разобравшись с нами, Тавловский отправился к немцам знакомиться, а мы сбились в кучку и принялись активно обмениваться впечатлениями. Быстро сошлись в одном: начальник наш получил должность в соответствии с вариантами 1 и 2. Женя Чекмарев тут же придумал шефу прозвище: Повелитель Метагалактики. Комсомолец Боря настаивал на Хулигане Квакине. Старшее поколение помнит, что это герой известной повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Немцы же прозвали Тавловского Вильдшвайном (дикой свиньей). Это произошло месяца через три после описываемых событий.

Пусть читатель не думает, что всеми четырнадцатью резидентами командовали одни самодуры да психопаты. Нет! В большинстве случаев это были более или менее нормальные руководители. Просто нам досталась самая несчастливая фишка. Мы черной завистью завидовали своим ближайшим соседям — лейпцигским коллегам. Мы ютились в четырех скромных комнатках, выделенных городским отделом МГБ ГДР. Они сидели в роскошном особняке, принадлежавшем некогда графу Шуленбургу, тому самому, который в 1941 году был послом в Москве и вручил Молотову ноту об объявлении войны, когда война уже бушевала повсюду. У них была связь ВЧ, дававшая возможность в любой момент передать в Берлин конфиденциальную информацию и поговорить с Москвой, столицами республик и областными центрами Советского Союза. Но главное — это то, что у них был отличный начальник — полковник Николай Флорович Архипов, опытнейший оперативник и обаятельнейший человек. С Архиповым мне приходилось довольно часто встречаться в 70-е годы, когда он был резидентом в Магдебурге. Должен сказать, что мнение мое о нем осталось неизменным.

Вернемся, однако, к Тавловскому. Еще в те далекие времена я где-то вычитал, что за девять месяцев до рождения нашего начальника его родной Бердянск взяла банда батьки Махно со всеми вытекающими последствиями для жителей и жительниц этого славного городка. В армии Махно воевали преимущественно крестьяне, внуки крепостных. Значит, по генам каждый из них был раб, сорвавшийся с цепи. Эти гены у Тавловского проявлялись четко. А ведь классик сказал, что самый жестокий рабовладелец — тот, который раньше был рабом.

Между прочим, я наблюдал, как Тавловский общается с высоким руководством. Куда девался в такие минуты весь его кураж! Он уменьшался в росте, съеживался, голос его становился тихим, лебезящим. Вот поэтому, когда мы жаловались на художества нашего шефа, нам никто не хотел верить. Как разведчик Тавловский обладал достаточно высокой квалификацией, и мы кое-чему у него научились. Конечно, нелегко было доставать жемчужные крупы позитивных знаний из-под вороха матерщины, бессвязных выкриков и оскорбительных угроз. Когда у нас появились первые положительные результаты, а положительным результатом в разведке тогда считалась вербовка гражданина капиталистической страны, мы осмелели и стали полемизировать с начальником. Такая полемика обычно перерастала в перебранку или даже в скандал. Мы заметили, что атмосфера скандала — любимая сфера обитания Тавловского. Если скандала долго не было, он начинал скучать, бегать по кабинетам, хватать документы со столов и быстро находил повод для новой ссоры, поэтому каждый из нас старался с утра пораньше уехать по оперативным делам в какой-нибудь отдаленный городишко и до вечера на работу не возвращаться.

В выходные дни Тавловский рвал нервы не только нам, но и нашим женам. Его воскресные планы не всегда совпадали с нашими. Если мы хотели выехать с семьями на природу, то он хотел на рыбалку или на охоту. Один ехать не хотел. Ему нужна была свита. Кстати, рыбак и охотник он был никудышный, потому что постоянными криком и руганью распугивал все живое на сотни метров вокруг себя. Правда, однажды мы поймали с ним пятикилограммового карпа, а если по правде, то карп сам по дурусти поймался на одну из наших удочек, когда мы все ушли купаться на другой берег пруда. Помню случай, когда Тавловскому удалось подстрелить зайца. Издавая торжествующие вопли, он погнался за раненым зверьком и размозжил ему голову прикладом ружья. Приклад от удара страшной силы разлетелся в щепы. Это было жуткое зрелище.

С немецкими друзьями Тавловский тоже не мог найти общего языка. И дело было не только в том, что от него исходили мощные пучки отрицательной энергии, побуждавшие любое живое существо обходить нашего шефа стороной. Тавловский очень плохо говорил по-немецки. Его языковые перлы били по моим барабанным перепонкам, как пушечные выстрелы. Напоминаю, что по гражданской специальности я филолог-германист. А каково было немцам? Правда, у Тавловского была секретарша, немка из фольксдочей — одинаково хо-

рошо владевшая обоими языками. Но ее допускали только до бесед с грифом «для служебного пользования». Когда планка поднималась до уровня «секретно» и выше, разговор приходилось вести самому. Часто бывало так, что после такого разговора кто-либо из немцев звонил по своей оперативной связи мне или Арапаеву и просил узнать у Тавловского, что он хотел им сказать.

— Почему же ты сам не сделал этого? — возмущались мы.

— Он все равно не смог бы объяснить, — отвечал немецкий друг.

Приходилось идти к Тавловскому и молоть дипломатичный вздор на предмет того, что вот, дескать, друзья просят уточнить один маленький момент его беседы с ними. Шеф яростно сопел, сверкал глазами, ругался, но в конце концов разглашал тайну своих переговоров, которая и передавалась друзьям в доступном для понимания виде. Вскоре Арапаев уехал, и все шишки подобного рода стали валиться на меня одного. Вести бытовые беседы с друзьями Тавловскому помогала жена, в прошлом учительница немецкого языка, очень милая женщина, много моложе его. Прозвище себе она выдумала сама: Клубок нервов. Мы ей сочувствовали и искренне сожалели о том, что начальником к нам назначили Тавловского, а не ее.

Память моя часто выхватывает из далекого прошлого забавные сценки с участием Тавловского.

Вот я стою у входа в горотдел МГБ ГДР и беседую с его начальником майором Хюбелем. Последний только что приехал с банкета, где вместе с нашими военными контрразведчиками обмывал арест очередного западного шпиона. Особисты прицепили к кителю майора советский гвардейский значок и сказали, что это орден Боевого Красного Знамени. Даже соответствующий документ состряпали. Кстати, этот орден действительно походил на гвардейский знак. Майор сияет от упоения славой. Я поздравляю его с высокой наградой. Из-за угла появляется Тавловский. Пальто нараспашку. На голове шапка-ушанка. Одно ухо — вниз, другое — вверх. Жует яблоко. Чавкает. Выплевывает семена. Ни дать, ни взять хулиган Мишка Квакин. Подходит к нам. Тычет пальцем в грудь Хюбеля, спрашивает:

— Wo? (где, мол, взял?)

Я за Хюбеля объясняю, кто его «наградил». Тавловский хочет.

— Скажи ему, что его об..бали.

Майор обеспокоенно осведомляется:

— Что говорит полковник?

— Полковник говорит, что получить такую награду высокая честь, — «перевожу» я.

Тавловский тут же срывается в крик:

— Ты неправильно переводил мои высказывания. Не знаешь немецкого языка — не берись за перевод!

Между нами вспыхивает перебранка. Хюбель испуганно пугается к своему офису и исчезает в дверях...

А вот мы с руководством окружного управления МГБ и Народной полиции, с женами сидим за огромным празднично накрытым столом. Отмечается пятидесятая годовщина Октябрьской революции. Банкет в полном разгаре, но мы ждем еще высоких гостей из окружного СЕПГ (Социалистической единой партии Германии). Я беру со стола посудину с тертым хреном, чтобы приправить им жареное мясо.

— Не жри хрен! — кричит мне Тавловский через стол. — Его будет жрать Зиндерман!

Зиндерман был тогда первым секретарем окружного комитета Политбюро СЕПГ. Я ставлю хрен на место. Вскоре приходит весть о том, что визит Зиндермана не состоится. Я снова тянусь к хрену.

— Не жри хрен! — опять орет Тавловский. — Теперь его будет жрать Фельфе!

Фельфе был в то время вторым секретарем. Однако он тоже под благовидным предлогом уклонился от участия в нашем празднестве: желающих пообщаться с Тавловским среди немцев было мало. Когда наш шеф узнал о таком обидном для него решении окружного партийного руководства, он подошел ко мне сзади и сказал тихим, печальным голосом:

— Жри хрен. К нам больше никто не придет...

Поступок у Тавловского всегда опережал мысль. Подобных субъектов можно считать предтечами наших реформаторов 90-х годов. Руководители соседних резидентур быстро раскусили Тавловского. Они стали в открытую над ним издеваться и всячески его подначивать. Однажды ему позвонил старший офицер связи из Магдебурга.

— Ну как там дела у тебя в Галле? — поинтересовался он.

— Хорошо идут у меня дела! — похвастался Тавловский.

— Чего же тут хорошего, когда у тебя в Галле нет ничего, кроме картошки, а у меня в Магдебурге в каждой овощной лавке свежую редиску продают.

Тавловский швырнул трубку и выскочил на улицу. Там под парами стояла «Волга», выделенная ему друзьями. В машине сидел шофер Хорст Шуберт, старый гитлеровский вояка, служивший нам столь же ревностно, как и фюреру.

— Хорст, Магдебург, редиска, фарен! — распорядился Тавловский, швырнув шоферу сотню марок.

«Редиска» по-немецки «радисхен», поэтому Шуберт сразу все понял.

— Яволь, геноссе оберст! — радостно рявкнул он и с места в карьер рванул в Магдебург.

На дворе стоял февраль. Мела метель. До Магдебурга от Галле сто километров. Значит, туда и обратно — двести. Проехать такое расстояние по узким, кривым, обледенелым проселкам — задача нелегкая даже для очень опытного водителя. Само собой, никакой редиски в Магдебурге не оказалось. Хорст вернулся поздно вечером ни с чем и потихоньку пожаловался нам:

— Скоро он пошлет меня в Ханой за петрушкой.

К чести Тавловского надо сказать, что он никогда не крал казенных денег и казенных вещей. Руки у него были чистые. Тем не менее он любил получать подарки и очень ревностно следил за тем, чтобы они соответствовали высоте его положения на социальной лестнице. По праздникам немцы вручали нам приветственные адреса и сувениры. Помню, что все к той же пятидесятой годовщине Октября я получил маленький транзисторный приемник, а Тавловский — точную и добротную сработанную копию танка Т-34. Танк был склеен из десяти тысяч спичек. Кто-то из сотрудников МГБ потратил на его изготовление несколько месяцев личного времени. Эта поделка была подлинным произведением искусства. Когда мы сидели в машину к Хорсту Шуберту каждый со своим подарком в руках, шеф, подозрительно взглянув на меня, спросил:

— Слушай, почему это тебе дали приемник, а мне соломенный танк?

Тщетно я пытался втолковать ему, сколь уникальна вещь, которую ему подарили. Он продолжал сопеть и злиться. Когда покидал Галле, выбросил танк в мусорную корзину. Я его оттуда достал и поставил на сервант в кабинете старшего офицера. Там он и простоял до конца существования ГДР и Представительства.

Книг Тавловский не читал, а подаренные друзьями книги просто вышвыривал в коридор. Я их подбирал, и сейчас они занимает почетные места в моей библиотеке...

Разведгруппы во все времена поддерживали тесные рабочие контакты с линейными отделами Представительства. Все сколько-нибудь серьезные разработки велись совместно с отделами, поэтому мы часто ездили в Берлин, стараясь решать как можно больше оперативных вопросов не с нашим непо-

средственным шефом, а с берлинскими товарищами, которые в основной своей массе были опытными разведчиками и хорошими порядочными во всех отношениях людьми, работающими, доступными, всегда готовыми оказать любую помощь.

Особо хочу выделить такого руководителя, как Борис Яковлевич Наливайко, возглавлявшего один из отделов; тут уж никак нельзя обойти стороной и его боевого заместителя — Мариуса Арамовича Юзбашьяна. Они прекрасно дополняли друг друга, хотя характеры и стиль работы у них были совершенно разные. Лед и пламень. Наливайко — спокойный, неторопливый, всегда серьезный, в меру строгий, Юзбашьян — экспансивный, стремительный, веселый, свойский. Сотрудники в частных беседах называли его просто Мариусом. Говорили, будто мать у него русская, будто он не знает армянского языка и будто в годы войны он был то ли сыном полка, то ли сыном какого-то партизанского отряда на Украине. Кабинет Юзбашьяна иногда походил на небольшой кавказский базар. Мариус мог беседовать с десятком людей одновременно. Мысль его работала, как молния. Он мгновенно принимал решения по делам, писал резолюции, раздавал направо и налево советы и подсказки, просматривал свежие агентурки, реагировал на сообщения немецкого радио. А как он умел вдохнуть веру и надежду в павшего духом, поддержать, ободрить! Именно Мариус помог мне завербовать моего первого иностранца, научил и показал, как это делается, за что я буду век благодарен ему, точнее, не ему, а его памяти. В семидесятые годы он стал генералом, председателем КГБ Армении и долго работал на этом посту. В один из девяностых годов телевидение донесло до меня скорбную весть: какой-то дашнак застрелил старика Мариуса, когда он гулял около своего дома с собачкой. Я часто его вспоминаю, вижу даже. Он идет мне навстречу через забраный в бульжник двор Представительства, высокий, стройный, красивый человек, машет издали рукой, улыбается:

— Привет, дорогой! Ну как у тебя дела?

А с Борисом Яковлевичем Наливайко мы недавно конспиративно встретились на страницах сборника «Внешняя разведка», где были опубликованы его очерк и мой рассказ. До того конспиративно, что он меня не узнал: ведь я спрятался под своим литературным псевдонимом.

Тавловский очень ревниво относился к нашим деловым, а иногда и дружеским контактам с коллегами из Берлина. Ему бы, дураку, радоваться, что те, помогая нам, выполняют практически значительную часть его работы.

— Ты кому служишь, Мариусу или мне?! — грозно вопрошал он, вызвав на ковер Женю Чекмарева.

— Я служу России и Советской власти, — спокойно ответил Женья.

Тут Тавловский издал странный протяжный звук, похожий на вой шакала. Это была крайняя степень возмущения. Наш шеф не мог допустить даже той мысли, что в мире существует власть, способная покуситься на его прерогативы.

Читатель может спросить: а что же вы целых два года терпели художества Тавловского и ничего не докладывали своему берлинскому начальству? Да не молчали мы! В Берлине о Тавловском знали все или почти все. С ним беседовали, увещевали его, но он после этих проработок еще более озлоблялся против нас. Я с ним тоже неоднократно говорил с глазу на глаз. Все тщетно. Воевать против него было трудно не только нам, но и Берлину. На Тавловского работал ряд факторов. Во-первых, он был номенклатурой Лубянки. Отзыв его на родину означал бы, что Центром допущен грубый просчет в подборе руководящих кадров. Ну кто же станет сечь себя самого? Старшим офицерам позволялось многое такое, за что простого опера вышвырнули бы из-за границы мгновенно. Как-то один из окружных начальников сильно поддал в компании немцев и среди бела дня на глазах всего честного народа скатился с крутого бережка в славную реку Эльбу, после чего был прозван Водолазом. Его пригласили на заседание парткома в Берлин.

— Ну как же вы сподобились на такое? — укоризненно говорил партийный шеф. — Ведь на вас немецкие друзья смотрели!

— У советской разведки нет друзей! — хмуро огрызнулся Водолаз.

Эти слова были встречены взрывом хохота. Его пожурили и отпустили с миром.

Во-вторых, наша разведгруппа ходила «в маяках», а для любого начальства — главное, чтоб работа шла. Все остальное — мелочи. Стерпится — слюбится, говорили нам. Никакой заслуги Тавловского в том, что дела наши шли успешно, не было. Ему просто повезло с коллективом и с подсобным агентурным аппаратом, над созданием которого поработали предыдущие поколения галльских чекистов.

В-третьих, в России спор холопов с бариним на протяжении многих сотен лет всегда решался в пользу барина, поскольку холопской солидарности противостояла солидарность барская. Так продолжалось до тех пор, пока холопы не